

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В АЙНСКОМ ЯЗЫКЕ

Короткова И.А.,

научный руководитель – канд. филол. наук Кутафьева Н. В.

Новосибирский государственный университет

На протяжении нескольких последних десятилетий значительный интерес для лингвистов представляет звукоизобразительная лексика как предмет науки фоносемантики. Основоположник фоносемантики С. В. Воронин определяет звукоизобразительную лексику как множество фонетически мотивированных слов.

При этом как в отечественной, так и в зарубежной айноведческих традициях проблемы фоносемантики остаются без должного внимания. Интерес к данной проблематике, ее актуальность и обусловили выбор темы настоящего исследования.

По результатам произведенной сплошной выборки звукоизобразительная лексика в айнском языке насчитывает около пятисот единиц при словарном составе языка объемом примерно 12 тысяч слов. Таким образом, с одной стороны, удельный вес звукоизобразительной лексики в айнском языке можно определить как незначительный. Однако, с другой стороны, в одном из самых богатых звукоизобразительной лексикой языков мира – японском языке – выделяют около 3 тысяч единиц звукоизобразительной лексики при словарном составе языка объемом более 100 тысяч единиц. Следовательно, если сравнить айнский язык с японским, можно сделать вывод, что айнский язык с точки зрения удельного веса звукоизобразительной лексики более насыщен, чем японский язык и, очевидно, многие другие языки.

Как и в любом другом языке, звукоизобразительную лексику в айнском языке необходимо разделять по характеру денотата (т. е. обозначаемого предмета). Если слово обозначает звучание окружающей действительности (акустический денотат), то мы имеем дело со звукоподражаниями. Если обозначаемое не имеет прямого отношения к звукам окружающего мира (неакустический денотат), то мы имеем дело со звукоимитациями.

Существует несколько принципов классификации звукоподражаний. В основе универсальной классификации звукоподражаний Воронина – акустические параметры звучания. На материале айнского языка подобный подход впервые применен в нашей работе. В качестве альтернативного принципа классификации звукоподражаний в айнском уместно предложить следующее тематическое разделение звукоподражаний на следующие классы и группы:

- 1) Подражания звукам природы (*chik* «капать»):
 - а) Подражания звукам, связанным с водной стихией. (*achikka, chichik, chik, chikka, tuutu* «капать»; *ikaika, pop, patpatke, tattatse* «бурлить, булькать, пузыриться»)
 - б) Подражания звукам, связанным со стихией огня (*echanchanke, pararase, rarpase* «полахать») несколькими разными словами.
 - в) Подражания звукам, связанным с воздушной стихией – это, прежде всего, звукоподражательные названия ветра как природного явления (например, *piripiri* «сильный ветер, вихрь»), а также подражания звукам, которые производит ветер разной силы («шелестеть» *shiwshiwatki*, «дуть» *ash*, «свистеть» *mawkururu*).
- 2) Подражания звукам, издаваемые неодушевленными предметами:
 - а) подражания звукам, издаваемым предметами быта – орудиями труда, принадлежностями для охоты (*tata* «рубить»);
 - б) подражания звукам музыкальных инструментов (*tumtum* «барабан»);

- 3) Подражания звукам, издаваемые одушевленными предметами:
- а) подражания звукам, возникающим в результате жизнедеятельности человека и (или) животных: *chamchamse* «чавкать»; *hese* «дышать»;
 - б) подражания произвольным выкрикам и особенностям нашей речи (*eshna* «апчи»);
 - в) подражания голосам животных.

Для исследования звуко-символизма в языке оптимальной кажется классификация, предложенная А. Б. Михалевым. Согласно ей, можно выделить следующие классы звуко-символизма: эхоический символизм – когда звук прямо повторяет некую звучащую сторону отображаемого, как в случае звукоподражания (например, *rapparappa* «порхать»); синестетический символизм – когда звук вызывает ощущения свойств отображаемого, относящихся к любой сенсорной модальности кроме слуховой (*pushpushke* «мягкий»); физиогномический символизм – когда звук ассоциируется с эмотивными или психофизиологическими свойствами (*tasaske* «испытывать жгучую боль»).

Звукоизобразительные слова в айнском языке – это своеобразный пласт лексики, единицы которой не являются самостоятельной частью речи, так как с точки зрения грамматики они не представляют собой единой грамматической категории, а входят в различные части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие). В связи с тем, что эти слова не обладают морфологическими показателями, свои грамматические свойства они реализуют в синтаксических связях. Соответственно, звукоизобразительные слова могут выполнять синтаксические функции: подлежащего, определения, сказуемого, обстоятельства и т.д.

Наряду с вышеперечисленными грамматико-синтаксическими функциями айнские звукоизобразительная лексика айнского языка выполняют различные речевые и стилистические функции.

1. Эмотивная функция свойственна, прежде всего, звукоподражаниям произвольным выкрикам и особенностям речи человека. Они могут выражать как эмоции положительного характера (*hehehe* «хи-хи-хи», *ihahaha* «ха-ха-ха»), так и отрицательные эмоции (*ayau* – плач младенца, *hmhm* – хмыканье).
2. Конативная функция при коммуникации с животными проявляется в различных вокативах (например, науськивания собаки *hoshhosh*, *horehore*, отпугивания животных *esi* и т. д.), а при коммуникации с людьми – в различных образных командах типа шиканья *shi* «шш!»).
3. Референтивная (также денотативная) функция подразумевает перенос значения с одного предмета на другой, что в звукоизображении встречается довольно часто. Например, когда мы встречаем в подражание пережевыванию пищи *amat* в контексте фразы “**amam shuye wa chire**” (переводится как «выложи рис и приготовь его»), мы понимаем, что здесь имеется в виду еда, а именно рис. (Слово *amat* в айнском языке, также как и в японском языке слово *gohan*, имеет два значения: «еда» и «рис».)
4. Поэтическая (эстетическая) функция. Звукоизобразительная лексика является мощным средством художественной выразительности. Наиболее часто данная лексика используется в сравнениях и метафорах. Например, у айнов издавна было популярно выражение “*pirka kakkok hawe sinne...*”, что, если перевести дословно, означает «...прекрасный, словно голосок **кукушки**» (аналог у нас – «прекрасный, как соловьиная трель»).
5. В айнской звукоизобразительной лексике сложно найти конкретные примеры проявления фатической, то есть контактоустанавливающей функции в общении людей,

так как налаживание контакта у айнов главным образом основывалось на невербалистике. Существует ряд исключений, которые, однако, являются скорее междометной, нежели чем звукоизобразительной лексикой (*horehore* «хэй-хэй», *inna ōi* – женский возглас, предупреждающий об опасности). При этом звукоизобразительная и, в частности, звукоподражательная лексика активно использовалась, чтобы установить контакт с животными.

6. Многим из звукоподражаний и звукосимволизмов в айнском языке свойственен изоморфизм с разными языками. Например, «барабан» *tumtum* и афр. *tamtam*, айнск. «тереть, чистить» *shirshir* и рус. *шуркать*, а также айнск. *kotuwatuwa* и яп. *fuwafuwa* («мягкий»). Подобные изоморфные черты айнских звукоподражаний и звукосимволизмов позволяет говорить об их метаязыковой функции.

7. Самой очевидной функцией звукоизобразительных слов айнского и любого другого языка является звукоизобразительная функция, она встречается как в повседневной речи, так и в поэзии. “... “**Wawowawo**” sekor hawean” – «...«**курлы-курлы**» [голубь] воркует».

8. Дескриптивная функция во многом сходна с функцией звукоизобразительной, однако в данном случае звукоизобразительные слова служат не просто для изображения звучания, а для описания того или иного объекта или ситуации. “Ikor **nupek** tomi **nupek** tokar sikus ne cise upsoro **emaknatara**...” («**Сверкание** семейных сокровищ, **блеск** домашней утвари, словно лучи солнца в доме **сверкают**...»)

9. Идентифицирующая функция. Звукоподражания играют значительную роль в построении образа в произведении, где актуализируются акустические характеристики загадываемого героя или явления, иногда звукоподражание является единственным ключом к отгадке того, что же перед нами за персонаж. Например, если мы встречаем в контексте *towatowato* (звук топота лисицы) или *raurau* (крик лисицы), то сразу понимаем, что речь здесь идет о лисе.

10. В айнском фольклоре и, в частности, в айнских эпических сказаниях *юкар* звукоподражания и звукосимволизмы часто выполняют характеризующую функцию. Происходит отображение свойств главного героя, включая действия, отражающие его характер, если рассматривать божество-главного героя в общем; например, в рефрене сказания о божественной змее представлен следующий фрагмент: “penkina pankina **ūkarkari** tanneto iyutani sitchiwe tanneto iyutani āsi tanneto” (досл. – по божественной траве/ по заиндевелей траве/ **зигзагом**/ показав погремок/ длинно-длинно/ вытянув погремок/ длинно-длинно). Этими словами выражается манера действий змеи, ползущей сквозь траву.

11. Звукоподражания и звуковые символизмы используются также для интенсификации эмоционального воздействия в речи айнов. Например, айны издавна желали доброй ночи, говоря “**arunno** токог!” (досл. – мягонького сна!), тем самым как бы усиливая положительное значение данного пожелания.

12. Рассматривая симплифицирующую функцию звукоизобразительной лексики, стоит, прежде всего, говорить о так называемых «детских словах». Однако недостаток материалов не позволяет составить целостное представление о «детских словах» в айнском языке. Известны лишь единичные примеры типа слова *si*, которое на русский можно перевести как «какать».

13. Употребление звукоизобразительной лексики в айнской речи приводит к экономии языковых средств, в качестве примера можно рассмотреть короткую фразу “**Atat** шер”, которая на русский язык может быть переведена как «рыба порезана на мелкие кусочки».

Таким образом, звукоизобразительная лексика играет важную роль в айнском языке и культуре в целом.